

Золя Эмиль

Жертва рекламы

Эмиль Золя
Жертва рекламы
Перевод Т. Ивановой

I

Пьер Ландри родился на улице Сент-Оноре, близ Центрального рынка, где зевакам раздолье. Кормилица учила его читать, заставляя разбирать по складам вывески и объявления. Он сдружился с этими громадными квадратами бумаги красными, желтыми, голубыми, а когда Пьер подрос и стал слоняться по улицам, он прямо, влюблялся в рекламы, на которых огромными причудливыми буквами было так много написано.

Его отец, чулочник, удалившийся от дел, завершил образование сына, каждый вечер он предоставлял ему последнюю страницу газеты, - считается ведь, что детям легче всего читать объявления, так как они печатаются крупным шрифтом.

В двадцать лет Пьер Ландри осиротел. Отец оставил ему довольно большое состояние, и Пьер принял решение жить впредь только для самого себя, пользуясь всеми возможными благами прогресса и цивилизации. Его отец немало потрудился, он же будет теперь отдыхать среди несказанных радостей золотого века, которые сулят ему последние страницы газет и бесчисленные рекламы, расклеенные по всему городу.

"Наш век - великий век, - думал он, - век познания и благоденствия. Нельзя себе представить ничего трогательнее людей, посвятивших себя счастью человечества; они непрерывно изобретают чудеса, заботясь о том, чтобы жизнь стала спокойной и счастливой, и простирают свое попечение до того, что стремятся все блага жизни сделать для каждого доступными и каждому по карману. Подумать только, эти благодетели берут на себя труд объявить нам, научить нас, где мы можем найти и по какой цене нам продадут все радости существования, начиная от самых мелких и кончая великими! А есть ведь и такие (им прямо в ноги надо кланяться!), которые для нашего

счастья согласны продавать товары себе в убыток. И уж никто из них не думает о выгоде - все они лезут вон из кожи только для того, чтобы человечество жило в спокойствии и благоденствии. План моей жизни предопределен. Мне остается только слепо принимать все благодеяния моего времени. Чтобы идти в ногу с прогрессом, достаточно читать утром и вечером рекламные объявления в газетах и аккуратно выполнять все, что посоветуют мне эти верховные руководители. Вот подлинная мудрость, единственно верный путь к счастью".

II

С этого дня Пьер Ландри принял газетные и уличные рекламы за основной закон, которому он должен подчинить свое существование. Реклама стала для него непреложным путеводителем, направляла его во всех случаях жизни; он ничего не покупал, ничего не предпринимал, не прислушавшись к мощному голосу печатного слова. По утрам он священнодействовал, просматривая газеты и добросовестно изучая все объявления об изобретениях и новшествах. Его дом превратился в склад разнообразных товаров, где можно было найти образчики всех нелепых новинок и всякой заваля, какая только производилась в Париже.

Впрочем, его рассуждения были не лишены некоторой логики. Следуя шаг за шагом за прогрессом, выбирая для своего обихода только те предметы, которые лирические поэты рекламы восхваляли с особым энтузиазмом, он мог с гордостью утверждать, что им разрешена задача полного благополучия, так как он пользовался лишь самыми отборными продуктами самой усовершенствованной цивилизации.

Увы! Это были только рассуждения! Действительность же становилась день ото дня все плачевней. Все должно было бы идти как нельзя лучше, а шло из рук вон скверно. Вот тут-то и начинается драма.

Пьер Ландри жил как в аду. Он купил земельный участок из наносной земли, и дом, который он на нем поставил, проваливался мало-помалу в почву. Этот дом, построенный по новейшей системе, содрогался от ветра, а при ливне распадался на куски. Внутри дома каминь, снабженные хитроумными дымопоплотителями, дымили так, что можно было ослепнуть; электрические звонки упорно хранили

молчание; уборные, сконструированные по патентованной модели, обратились в чудовищную клоаку; ящики и дверцы, которые должны были приводиться в движение простыми и удобными механизмами, не открывались и не закрывались. В довершение всего имелось еще механическое пианино отвратительная шарманка и недоступный хищениям, несокрушимый несгораемый шкаф, который в одну прекрасную зимнюю ночь воры преспокойно взвалили себе на спину и унесли.

Та же история, хотя и в другом роде, повторилась и в загородном доме, который Пьер Ландри купил в Аркейле. Вместо деревьев он посадил там черт знает что; он собирался разводить редкостные растения, но вместо них проросли тощие стебли пырея. Бассейн, строитель которого был рекомендован Пьеру Ландри одной из реклам, обвалился, и хозяин едва избежал опасности быть раздавленным и утопленным одновременно.

Пьер Ландри блаженно улыбался среди всех этих огорчений, всех этих неприятностей. Его вера не поколебалась, наоборот - она все возрастала. "Еще не все совершенно в этом лучшем из миров, - говорил он себе, - но все движется вперед, и вернейший способ избежать несчастий - это изучать рекламные объявления с еще большим рвением. В том, что развалился бассейн, виноват я сам: я пригласил строителя, которого газета рекомендовала без достаточного пыла; надо выбрать другого, того, которого рекламируют горячее. В конце концов я, несомненно, достигну совершенства и безусловного благополучия".

III

Но страдала не только собственность несчастного Пьера Ландри, страдала непосредственно и его особа.

Когда он выходил на улицу, его костюмы лопались, - он их покупал только на распродажах, объявляемых под предлогом учета товаров или ликвидации фирмы. Он стремился покупать вещи по дешевке не из жадности, а исключительно для того, чтобы воспользоваться всеми благодеяниями эпохи.

Настал день, когда я увидел его совершенно лысым. Все из-за той же страсти к прогрессу: у него возникла идея стать из блондина брюнетом; от жидкости, которую он для этого применил, вылезли все его светлые волосы, но он был тем не менее в восторге, - теперь,

говорил он, можно испробовать рекламируемую помаду, под действием которой, без сомнения, у него вырастут черные волосы, гуще и красивее, чем были его погибшие светлые.

Его щеки и подбородок без конца покрывались шрамами из-за "превосходных" бритв, которыми он пользовался. Не проходило и недели, как купленные им шляпы теряли форму; его зонтики, снабженные затейливыми пружинами, не открывались именно тогда, когда шел дождь.

Я не берусь описать все снадобья, которые он проплотил. Прежде он был крепким и сильным, теперь же похудел и стал страдать одышкой. Вот тут-то реклама его и доконала. Он подумал, что болен, начал лечиться всеми великолепными рекламируемыми средствами; а для большей эффективности лечения применял одновременно все способы, затрудняясь в выборе, теряясь перед одинаковым количеством похвал, которые рекламы расточали каждому снадобью.

Невозможно подсчитать, сколько он съел шоколада; к такой неумеренности его обязывали назойливые советы; различных фабрикантов. Столь же неумеренно он применял и парфюмерию, - в несколько приемов он лишило всех зубов, и только ради того, чтобы дать работу этим филантропам - зубным врачам, которые клянутся не причинить вам никакой боли и спокойно ломают вашу челюсть.

IV

Реклама не пощадила не только тело, но и разум Пьера Ландри. Он купил книжный шкаф с передвижными полками и наполнил его всеми книгами, какие только рекомендовали ему газеты. Принятая им классификация была очень изобретательна: он расположил тома по их значимости, - я хочу сказать, по степени восхвалений, предпосланных им книгопродавцами в анонсах.

Нигде и никогда дотоле невозможно было бы найти такого подбора мерзостей и безумия. В библиотеке Пьера Ландри была сконцентрирована вся современная ему глупость и гнусность, и он старательно приклеивал к корешку каждого тома похвальные слова рекламы, заставившей его купить эту книгу. Когда он начинал читать, он заранее знал, какой восторг он должен испытывать, он плакал или смеялся над книгой согласно предписанию издателей.

От такого образа жизни Пьер Ландри обратился в совершенного идиота. Я не хочу перечислять всех названий, но я мог бы указать на

некоторые из книг, которые окончательно растлили мозг Пьера Ландри. Постепенно он стал необыкновенно требовательным и прихотливым, он стал покупать только то, что рекламировалось как неподражаемое творение гения; теперь он покупал в неделю не больше двадцати томов.

Надо добавить, что некоторые газеты, горячо рекомендованные броскими объявлениями, тоже немало способствовали его полному оглупению. Чем трескучее была реклама, тем с большим доверием и восторгом он ей внимал.

Вот что восхитило его сверхмерно. Издателю одной газетки вздумалось воздвигнуть шутовской балаган на площади Согласия, где паяц, выкидывая коленца, объявлял о выпуске нового номера. Пьер Ландри бился за честь первым подписаться на эту газету.

V

Я приблизился к последнему акту этой душераздирающей драмы. Прочитав, что некий ясновидящий излечивает все болезни, Пьер Ландри кинулся к нему лечиться от недомоганий, которых у него не было. Ясновидящий услужливо предложил омолодить его, он указал ему способ стать пятнадцатилетним. Нужно было всего-навсего принять определенную ванну и выпить определенную воду. Пьер Ландри расстался с ясновидящим, не помня себя от восторга, он объявил, что подобный способ лечения - наипоследнее слово прогресса.

Проглотив предписанную ему бурду, он погрузился в ванну и так удачно омолодился, что через два часа его нашли в ней мертвым. На лице его застыла блаженная улыбка, по которой можно было догадаться, что он испустил Дух, поклоняясь пресвятой Рекламе. Это и была, вероятно, обещанная ясновидящим панацея от всех зол.

Даже после смерти Пьер Ландри остался покорным слугой объявлений. Он завещал похоронить себя в гробу, который мгновенно бальзамировал труп, по способу, запатентованному одним шарлатаном аптекарем. На кладбище этот гроб раскололся, несчастный покойник вывалился в грязь и был похоронен вместе с обломками своего гроба.

Только одну зиму надгробный памятник из картонного камня и имитации мрамора сопротивлялся непогоде; вскоре на могиле не осталось ничего, кроме кучи отвратительной гнили.

Если бы я был моралистом, я бы произнес над этой грудой мусора громовую речь и вывел бы полезное нравоучение из истории Пьера Ландри: эта плачевная жертва рекламы показывает нам, ротозеям современности, во что мы обратимся, если будем наивно верить объявлениям, сулящим нам счастливую и приятную жизнь. Так как дельцы злоупотребляют свободой, предоставляемой им рекламой, и, в ущерб нам, зазывают нас в свои лавки, не поддадимся! на щедрые посулы, не позволим себя надувать. Будем стойки, не уподобимся Пьеру Ландри.